

Джек Лондон

Jack London

Мартин Иден

Martin Eden

Перевод Заяицкого С.С.

Учебное пособие

Метод параллельных текстов

**НАРОДНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ**

УДК 811.111

ББК 81.2 Англ-93

Л 76

Л 76 Лондон Джек. Мартин Иден = MARTIN EDEN.

Учебное пособие. Метод параллельных текстов А.М. Кушнира. — М.: Народное образование, 2022. — 604 с.

ISBN 978-5-91447-214-3

Учебное пособие для изучения английского языка методом параллельных текстов. «Параллельные тексты» являются составной частью природосообразной модели обучения, разработанной психологом Алексеем Кушниром. Принципиальное отличие этой модели в том, что в её основе лежит не лингвистика, а закономерности психофизиологии — механизмы работы мозга, психики, личности. Человек осваивает что бы то ни было благодаря именно этим механизмам, а не сообразно предметной парадигме математики, географии или лингвистики. Именно поэтому переход на природосообразные алгоритмы обучения позволяет значительно увеличить эффективность учебного процесса. Пособие предназначено для использования в учебном процессе, а также для самообразования.

ISBN 978-5-91447-214-3

ББК 81.2 Англ-93

© Пер. Заяицкий С.С., 2022

© Народное образование, 2022

Моим учителям посвящается...

Вы держите в руках учебную книгу, которая является частью проекта «EnglishUpSelf». Это глубоко личный проект, поскольку стартовал в далёкой юности, почти в детстве. Тогда у этого проекта ещё не было ни имени, ни плана, но как оказалось, была некая предрешённость...

Все мы родом из школы! Некоторые учителя остаются в памяти и сердце навсегда. Моя учительница немецкого Галина Ивановна Зленко из таких. Но помню её почему-то не как учителя, а как друга, взрослого друга... Мне, шестикласснику, тогда и в голову не приходило, что пойду я на факультет иностранных языков и стану учителем немецкого.

В седьмом классе отца перевели из Поздеевки в Белогорск, и я стал учеником городской школы № 17. Здесь уже была другая учительница, Антонина Николаевна. Особого интереса к иностранному языку не было, но отношения с учителем были ровные и уважительные. И всё-таки по немецкому выходила тройка... Это была единственная тройка, которая могла оказаться в аттестате, а в ту пору шла повсеместная борьба за «средний балл». Это что-то вроде вселенской войны за баллы ЕГЭ. Но мне тройку не поставили, видимо, приняли во внимание заслуги в алгебре и на конкурсе «А ну-ка парни!».

Одноклассники уже все определились, кто куда поступает, я же весь извёлся сомнениями. Особо ценным качеством казалась мне тогда некая универсальность, знание и умение всего и вся, готовность ко всему, с чем можно столкнуться в жизни. Как-то это было связано с предполагавшейся военной карьерой. К окончанию школы я был уже водитель-механик третьего класса, имел третий-четвёртый разряд по нескольким профессиям. Особенно нравилось токарное дело... И мыслил я так, что незачем тратить время на алгебру или историю, которые я легко могу освоить самостоятельно. Эта почти случившаяся тройка по немецкому терзала и требовала реванша, и терзания те привели прямиком на факультет иностранных языков.

Чуть не вылетев после первой же сессии, я окончательно осознал горькую правду: к языкам не способен... Преподавателям я, наверное, казался если не идиотом, то бездельником. А между тем зубрил и зубрил усердно, но безо всякого результата. Товарики по группе легко заучивали страницы, а мне и абзац не давался... Выезжал кое-как на понимании, интуиции и везении.

Бросить? Нет! Это не про нас...

Смириться с таким своим плачевным состоянием было, конечно же, невозможно! Дума думалась день и ночь... Мозг изворотливо искал виновных, подсказывал чьи-то просчёты в методиках. Но постепенно этот внутренний обличительный диалог вошёл в русло дотошного анализа и поиска. И я пришёл к выводу, что возможен другой путь освоения иностранного языка, опирающийся не на зубрёжку, а на что-то ещё. Нужен был какой-то толчок, случайная находка, догадка.

Сидим в гостях у кого-то из городских, цедим на пятерых бутылочку «Алиготе» за рубль шестьдесят пять. Перебираю на полке хозяйские книжки... Ба!?! «Три товарища» Ремарка на русском языке... Мы как раз работаем с книгой на «домашке», препарлируем текст, анализируем языковые средства, доказываем преподавателю, что вдумчиво читали

и переводили... Немецкий пока ещё так себе, анатомы-препараторы те ещё, обсуждение прочитанного, соответственно, то ещё! А тут такая удача. Ну, думаю, в институтской библиотеке должен же быть Ремарк на русском. Иду. И на тебе: студентам инфака ни Ремарка, ни Джером К. Джерома на русском не выдают. Не я первый, значит.

«Per aspera ad astra...», это принципиально!

Недолго думая попросил одноклассника с факультета физвоспитания взять для меня пару нужных книг, и началось... Зачитывался! Обе книжки перед глазами, читаю на немецком, проверяю себя на русском, а однажды заметил, что порой перевод мне не нравится, кажется не совсем точным, не вписывается в авторский ритм...

А весной, что называется, гром грянул! С окна третьего этажа общежития на тротуар свалился почтовый ящик, служивший студентам зимой холодильником. Прямо под ноги грохнул наземь, разбрасывая растаявшие остатки зимней снеди. Испуг был нешуточный. Я не по-детски ругнулся залпом... Да не на родном, русском, а на чужом, немецком языке. И не только ругнулся, а ещё мысленно сказал всё, что думаю о дураках, которые привязывают ящики за окнами чем-нибудь типа ниток под номером 40.

Эта спонтанная «немецкая» реакция меня сильно озадачила. Работа с «параллельными текстами» дала настолько мощный прорыв в понимании иностранного языка и накоплении лексики, что я периодами стал думать по-немецки. А то и сон приснится с баварским акцентом. По-прежнему оставались проблемными дисциплины, где главным методом успеха было заучивание наизусть, но в целом учёба стала налаживаться.

Постепенно выстраивался алгоритм беспроblemного, лёгкого освоения иностранного языка, который окончательно оформился в метод обучения к концу второго курса. Теперь у меня было полное понимание того, почему язык все учат, но никто не знает, почему освоение языка идёт туго, медленно и трудоёмко, и как надо организовать учёбу, чтобы дело пошло. Конечно, хотелось поделиться с профессионалами, услышать оценку своих методических конструкций, даже изменить что-то в обучении нас, но увы, преподаватели моих «открытий» вежливо не оценили.

На третьем курсе — курсовая по методике. Давались проверенные временем темы и никакой самостоятельности... Я со своими тройками и изобретениями доверия не вызывал, а потому отличиться с собственной темой почти не было шансов. И всё-таки повезло! Преподаватель латинского, один из руководителей курсовых работ, Яков Вениаминович Генин, изучив мои выводы, сказал: «А ты знаешь, раньше так изучали латынь... Почему бы и нет?» Так я впервые, в 1978-м, оформил свои методические мысли письменно. И только в 1997 году мне удалось повторить этот «подвиг». В качестве отдельного выпуска журнала «Школьные технологии» вышла в свет небольшая книжка «Педагогика иностранного языка».

Мне, студенту, удалось разработать эффективный алгоритм работы, но понять некоторые неметодические причины того, почему «все учат, но никто не знает», довелось много позже. Где-то в 1984-м, в московском дворике по улице Сивцев Вражек, на скамеечку присел старичок погреться на солнышке. Знать бы мне, что это был действующий кандидат в члены ЦК КПСС... Разговорились. Он расспрашивал, чем занимаюсь в аспирантуре, какие есть идеи, мысли, планы и достижения... Я, конечно же, не утерпел и рассказал о своих методических изысках. Удивительно то, насколько ему всё было интересно. Он задавал уточняющие вопросы, высказывал догадки и гипотезы. Это был, пожалуй, один из самых интересных и сведущих собеседников в моей

жизни. А напоследок нашей беседы он рассказал мне случай, имеющий отношение к теме.

В конце пятидесятых ЦК КПСС сформировал рабочую группу для выработки решений по поводу размещения на территории СССР станций РЭБ, а проще — «глушилок», предназначенных для подавления враждебных «голосов». Один из экспертов-инженеров, капитан-фронтовик, в ходе обсуждения высказал абсурдную на первый взгляд мысль: «А что же делать с передачами на немецком, английском языках? Как их глушить?» Вопрос вызвал смех, но председатель рабочей группы был не так прост. Он попросил капитана пояснить свой вопрос. «У нас на фронте, кто призвался после средней школы, сразу становились переводчиками...», — ответил капитан. Присутствующие на совещании фронтовики подтвердили массовость этого факта. И к проводам немецким подключались, и эфир слушали, и допросы вели. Выходит, школа давала и продолжает давать хороший уровень языковой подготовки. Настолько хороший, что «железный занавес» терял смысл.

Уже через пару недель боевой отряд партии, КГБ СССР, получил задание изменить методику преподавания таким образом, чтобы «все учили, но никто не знал» иностранный язык.

В кратчайшие сроки, под аккомпанемент постановлений «об улучшении дел» с иностранными языками в СССР, переводно-грамматический метод обучения был заменён на «условно-коммуникативный». В считанные недели, месяцы из обихода и библиотек исчезла методическая литература по «устаревшей методике», а переподготовку прошли все учителя страны. С тех пор в СССР и в России язык все учат, но никто не знает. Таким образом, неэффективность обучения языкам в нашей стране является результатом спецоперации КГБ СССР. Эта служба, как видно, с задачей справилась настолько хорошо, что последствия этой спецоперации не преодолены по сей день.

Этого «старичка», кандидата в члены ЦК КПСС, звали Яков Иванович Кабков.

В последние годы в России широко распространились сетевые школы иностранных языков, работающие по западным лекалам. Но и они не решили проблему эффективного обучения, поскольку принесли к нам всё тот же условно-коммуникативный метод, который хорош для Европы, но совершенно непригоден у нас. Таким образом, низкая эффективность применяемых методов обучения остаётся нерешённой проблемой!

На самом деле у нас давно есть технология обучения, которая преодолевает наследие «железного занавеса» и некоторых успешных спецопераций, и идёт дальше переводно-грамматического метода! Её эффективность превосходит известные практики вдвое-втрое, что даёт существенную экономию времени. Уникальность этой технологии, например, в том, что при её использовании не нужен преподаватель иностранного языка, она достаточно хороша для самообразования.

Зачем я рассказываю здесь эту свою, глубоко личную, историю? Дело в том, что для нас эта история типична, она встречается в судьбе любой инновации и каждого изобретателя в нашей стране.

Да, действительно, ещё тогда, в 70-х, был найден простой и эффективный метод обучения. Уже работая преподавателем в пединституте, мне удалось апробировать некоторые технологические решения и убедиться в их беспрецедентной эффективности. Моими испытуемыми были студенты факультета русского языка и литературы, а также строительного техникума. И я точно знаю, что разработанный тогда алгоритм учебной

работы по-прежнему недостижимы по эффективности для других систем обучения, будь они из самых первых рук Гарварда или Принстона. Но если решение такое эффективное, то отчего же его нигде нет? Это и есть причина рассказывать эту историю.

Это и есть то, что меня потрясает, возмущает и оскорбляет — наша тотальная, беспросветная, безысходная инновационная тупость. Изобретателей у нас хватает, идей тоже, но вы посмотрите, с каким трудом эти изобретатели и эти идеи пробиваются в свет! Я другой такой страны не знаю... Стоит ли об этом говорить в предисловии к учебной книге? Не знаю! Иногда мне кажется, что надо не говорить, а орать, орать на всех углах...

Вспомните начало 90-х! Ренессанс педагогического творчества и изобретательства, несколько лет творческого полёта в будущее! Думали, теперь это навсегда... Но взгляните на сегодняшнего директора школы. Полномочия, возможности и прочие «степени свободы» директора школы в СССР ему и не снились! Предложите ему инновацию, и он отпрыгнет от вас как от чумного. Впрочем, если та же инновация будет родом из каких-нибудь швейцарцев, сингапурцев и прочих америк, то welcome...

Что с нами?

Может, не сетовать на «особенности национальной инновации» да не ныть про всеобщую инновационную тупость, а выпекать эти «методические пирожки» и делом обосновывать достоинства подхода?

Несколько слов надо сказать об аналогах. Такие и похожие книги есть, достаточно давно выпускаются, но используются иначе, в рамках другой методологии. В нашей системе обучения книги с подстрочником используются несколько иначе, но об этом — отдельно. Пишите: kushnir-narobr@yandex.ru

Итак, перед вами учебная книга. Инструкция к ней очень проста: читайте не торопясь, наслаждайтесь чтением, а когда непонятно, подглядывайте в подстрочный перевод. Не смущайтесь, если вам покажется, что подстрочник слишком далёк от оригинала. Главное не буква, а дух, ведь это художественное произведение, которое допускает определённую свободу толкования. В любом случае, от книги к книге ваши навыки в английском неизбежно будут улучшаться.

Ваши успехи будут ещё более заметными, если вы воспользуетесь нашей системой обучения в полном объёме. Что для этого нужно? Тоже всё просто: свяжитесь с нами по телефону 495–9725962 или по электронной почте kushnir-narobr@yandex.ru

Книга издаётся с переводом Сергея Сергеевича Заяицкого (1893–1930 г.г.) — поэта, беллетриста и переводчика. Первая книга Заяицкого под названием «Стихотворения» опубликована в 1914. В 1922 выходит сборник «Деревянные дома». В промежутке Заяицкий пишет фельетоны, юморески для самых различных изданий, переводит с английского и немецкого языков (Фрейлиграт). Для детей он сочинил увлекательные пьесы «Робин Гуд» (1925) и «Стрелок Телль» (1925), которые с успехом шли и идут на сценах детских театров. Среди других переводов — «Сила сильных», «Морской фермер» Д. Лондона, стихотворения, в том числе тексты романсов и песен Шуберта (цикл «Зимний путь» («Die Winterreise»)), Бетховена («Сурок») и др.

Алексей Кушнир

Jack London

Джек Лондон

MARTIN EDEN

Мартин Иден

CHAPTER I

Глава 1

The one opened the door with a latch-key and went in, followed by
Шедший впереди отомкнул дверь французским ключом и вошел. За ним вошел
a young fellow who awkwardly removed his cap. He wore rough
молодой парень, который при этом неловко сдернул кепку с головы. На нем была
clothes that smacked of the sea, and he was manifestly out of place in the
простая грубая одежда, пахнувшая морем; в просторном холле он как-то
spacious hall in which he found himself. He did not know what to do with
сразу оказался не на месте. Он не знал, что делать со своей
his cap, and was stuffing it into his coat pocket when the other took it from
кепкой, и собрался уже затихнуть ее в карман, но в это время спутник взял кепку у
him. The act was done quietly and naturally, and the awkward young fellow
него из рук и сделал это так просто и естественно, что неуклюжий парень был
appreciated it. "He understands," was his thought. "He'll see me through all
тронут. «Он понимает, – пронеслось у него в голове, – он меня не выдаст».
right."

He walked at the other's heels with a swing to his shoulders, and his
Вперевалку, широко расставляя ноги, словно пол под ним
legs spread unwittingly, as if the level floors were tilting up and sinking
опускался и поднимался на морской волне, он пошел за своим
down to the heave and lunge of the sea. The wide rooms seemed too narrow
спутником. Огромные комнаты, казалось, были
for his rolling gait, and to himself he was in terror lest his broad shoulders
слишком тесны для его размашистой походки, – он все время боялся зацепить
should collide with the doorways or sweep the bric-a-brac from the low
плечом за дверь или смахнуть какую-нибудь безделушку с камина.
mantel. He recoiled from side to side between the various objects and
Он лавировал между различными предметами, преувеличивая опасность,
multiplied the hazards that in reality lodged only in his mind. Between a
существовавшую больше в его воображении. Между роялем

grand piano and a centre-table piled high with books was space for a half a dozen to walk abreast, yet he essayed it with trepidation. His heavy arms

и столом, заваленным книгами, могло свободно пройти шесть человек, но он отважился на это лишь с замиранием сердца. Его тяжелые руки

hung loosely at his sides. He did not know what to do

беспомощно болтались, он не знал, что с ними делать. И когда вдруг ему отчетливо представилось, что он вот-вот заденет книги на столе, он, как испуганный конь, отпрянул в сторону и едва не повалил табурет у рояля.

with those arms and hands, and when, to his excited vision, one arm seemed liable to brush against the books on the table, he lurched away like a frightened horse, barely missing the piano stool. He watched the easy walk of the other in front of him, and for the first time realized that his walk was different from that of other men.

шагавшего спутника, и впервые в жизни подумал о том, как неуклюжа его собственная походка, и как она отличается от походки других людей. На мгновение его обожгло стыдом от этой мысли.

He experienced a momentary pang of shame that he should walk so uncouthly. The sweat burst through the skin of his forehead in tiny beads, and he paused and mopped his bronzed face with his handkerchief.

Капли пота выступили у него на лбу, и, остановившись, он вытер свое бронзовое лицо носовым платком.

"Hold on, Arthur, my boy," he said, attempting to mask his anxiety with facetious utterance. "This is too much all at once for yours truly. Give

– Артур, дружище, погодите немножко, – сказал он, пытаясь шутливым тоном замаскировать свое смущение. – Слишком уж для меня много на первый раз. Дайте

me a chance to get my nerve. You know I didn't want to come, an' I guess your fam'ly ain't hankerin' to see me neither."

собраться с духом. Вы ведь знаете, я не хотел, да и вашим-то, едва ли, так уж не терпится на меня посмотреть.

"That's all right," was the reassuring answer. "You mustn't be frightened at us. We're just homely people-Hello, there's a letter for me."

– Пустяки! – последовал успокоительный ответ. – Вам нечего бояться нас. Мы люди простые... Эге! Мне письмо, я вижу!

He stepped back to the table, tore open the envelope, and began to read, giving the stranger an opportunity to recover himself. And the

Артур подошел к столу, вскрыл конверт и начал читать, давая гостю возможность прийти в себя. И гость это stranger understood and appreciated. His was the gift of sympathy, понял и оценил. Он был очень чуток и восприимчив, и несмотря

understanding; and beneath his alarmed exterior that sympathetic process
на внешнюю растерянность, в нем уже шел процесс приспособления к новой
went on. He mopped his forehead dry and glanced about him with a
обстановке. Он вытер лоб и посмотрел кругом более спокойно, хотя в
controlled face, though in the eyes there was an expression such as wild
глазах еще оставалась тревога, как у дикого животного, опасющегося
animals betray when they fear the trap. He was surrounded by the unknown,
западни. Он был окружен неизвестным, он
apprehensive of what might happen, ignorant of what he should do, aware
боялся того, что могло произойти, он не знал, что ему делать, понимая, что
that he walked and bore himself awkwardly, fearful that every attribute and
держится нескладно и что, вероятно, нескладность эта проявляется не только
power of him was similarly afflicted. He was keenly sensitive, hopelessly
в походке и жестах. Он был чрезвычайно чувствителен,
self-conscious, and the amused glance that the other stole privily at him over
невероятно самолюбив, и лукавый взгляд, который украдкой бросил на него Артур
the top of the letter burned into him like a dagger-thrust. He saw the glance,
поверх письма, поразил его, как удар кинжала. Он поймал его взгляд,
but he gave no sign, for among the things he had learned was discipline.
но не подал виду, так как многому уже успел научиться, и прежде всего дисциплине.
Also, that dagger-thrust went to his pride. He cursed himself for having
Однако этот удар кинжала ранил его гордость. Он выругал себя за то, что
come, and at the same time resolved that, happen what would, having come,
пришел, но тут же решил, что раз уж пришел, то выдержит все до
he would carry it through. The lines of his face hardened, and into his eyes
конца. Лицо его приняло суровое выражение, и в глазах
came a fighting light. He looked about more unconcernedly, sharply
сверкнул огонек. Он огляделся теперь более уверенно, стараясь
observant, every detail of the pretty interior registering itself on his brain.
запечатлеть в своем мозгу все детали окружающей обстановки.
His eyes were wide apart; nothing in their field of vision escaped; and as
Ничто не ускользнуло от его широко раскрытых глаз. И по мере того как он
they drank in the beauty before them the fighting light died out and a warm
глядел на эти красивые вещи, сердитый огонь в его глазах угасал, сменяясь теплым
glow took its place. He was responsive to beauty, and here was cause to
блеском. Он всегда живо откликался на красоту, а здесь было на что
respond.
откликнуться.

An oil painting caught and held him. A heavy surf
Его внимание привлекла картина на стене, написанная маслом. Могучий вал

thundered and burst over an outjutting rock; lowering storm-clouds covered
разбивался о выступающий из воды утес; низкие грозовые облака покрывали
the sky; and, outside the line of surf, a pilot-schooner, close-hauled, heeled
небо, а по бушующим волнам, освещенная пламенем заката, неслась маленькая
over till every detail of her deck was visible, was surging along against a
ихуна, сильно накренившись, так что вся ее палуба была открыта взгляду.
stormy sunset sky. There was beauty, and it drew him irresistibly. He forgot
Это было красиво, а красота неодолимо влекла его. Он забыл
his awkward walk and came closer to the painting, very close. The beauty
о своей неуклюжей походке и подошел к картине вплотную. Красоты как
faded out of the canvas. His face expressed his bewilderment. He stared at
не бывало. Он с недоумением взирал на то, что теперь
what seemed a careless daub of paint, then stepped away. Immediately all
казалось грубой мазней. Затем он отошел. И тотчас же
the beauty flashed back into the canvas. "A trick picture," was his thought,
картина снова стала прекрасной. «Картина с фокусом», – подумал
as he dismissed it, though in the midst of the multitudinous impressions he
он, отворачиваясь, и среди новых нахлынувших впечатлений успел
was receiving he found time to feel a prod of indignation that so much
почувствовать негодование, что столько красоты принесено в жертву ради
beauty should be sacrificed to make a trick. He did not know painting. He
глупого фокуса. Он не имел понятия о живописи. До
had been brought up on chromos and lithographs that were always definite
сих пор он видал лишь литографии, которые были одинаково гладки и отчетливы
and sharp, near or far. He had seen oil paintings, it was true, in the show
вблизи и издали. Правда, в витринах магазинов он видел картины,
windows of shops, but the glass of the windows had prevented his eager
написанные красками, но стекло не позволяло разглядеть их как следует.
eyes from approaching too near.

He glanced around at his friend reading the letter and saw the books
Он оглянулся на своего друга, читавшего письмо, и увидел на столе
on the table. Into his eyes leaped a wistfulness and a yearning as promptly
книги. В его глазах вспыхнули тоска и тоска так же быстро, как тоска
as the yearning leaps into the eyes of a starving man at sight of food. An
вспыхивает в глазах голодного человека при виде еды. Он
impulsive stride, with one lurch to right and left of the shoulders, brought
невольно шагнул к столу, все так же вперевалку, и начал с
him to the table, where he began affectionately handling the books. He
волнением перебирать книги. Он

glanced at the titles and the authors' names, read fragments of text, caressing
глядел на заглавия и имена авторов, читал отдельные фразы в тексте, ласкал
the volumes with his eyes and hands, and, once, recognized a book he had
книги глазами и руками и вдруг узнал книгу, которую недавно читал.

read. For the rest, they were strange books and strange
Но, кроме этой одной книги, все другие были ему совершенно неизвестны, так же

authors. He chanced upon a volume of Swinburne and began reading
как и их авторы. Ему попался томик Суинберна, и он стал читать, забыв,

steadily, forgetful of where he was, his face glowing. Twice he closed the
где находится; лицо его разгорелось. Дважды он закрывал

book on his forefinger to look at the name of the author.

книгу, чтобы посмотреть имя автора, указательным пальцем заложив страницу.

Swinburne! he would remember that name. That fellow had eyes, and he had
Суинберн! Он запомнит имя. У этого Суинберна были, видно,

certainly seen color and flashing light. But who was Swinburne? Was
острые глаза, он умел видеть очертания и краски. Но кто он такой? Умер

he dead a hundred years or so, like most of the poets? Or was he alive
он лет сто тому назад, как большинство поэтов, или жив и еще пишет?

still, and writing? He turned to the title-page. yes, he had written other
Он перевернул заглавную страницу. Да, он написал и другие

books; well, he would go to the free library the first thing in the morning and
книги. Ладно, завтра же утром он пойдет в публичную библиотеку и

try to get hold of some of Swinburne's stuff. He went back to the text and
попробует достать что-нибудь из сочинений этого Суинберна.

lost himself.

He did not notice that a young woman had entered the room.

Он так увлекся чтением, что не заметил, как в комнату вошла молодая женщина.

The first he knew was when he heard Arthur's voice saying:-

Его заставил опомниться голос Артура, сказавшего вдруг:

"Ruth, this is Mr. Eden."

– Руфь! Это мистер Иден.

The book was closed on his forefinger, and before he turned he was

Книга захлопнулась, и, прежде чем повернуться, он весь задрожал от

thrilling to the first new impression, which was not of the girl, but of her
нового, еще неизведанного ощущения, которое в нем вызвал не приход девушки, а

brother's words. Under that muscled body of his he was a mass of quivering
слова ее брата. В его мускулистом теле жила обостренная

sensibilities. At the slightest impact of the outside world upon his
чувствительность. Под малейшим воздействием внешнего мира его

consciousness, his thoughts, sympathies, and emotions leapt and played
чувства и мысли вспыхивали и играли, как пламя.

like lambent flame. He was extraordinarily receptive and responsive, while
Он был необычайно восприимчив и отзывчив, а его пылкое

his imagination, pitched high, was ever at work establishing relations of
воображение все время работало, устанавливая взаимоотношения между вещами,

likeness and difference. "Mr. Eden," was what he had thrilled to—he who had
сходство и различие. Слова «мистер Иден» – вот что заставило его вздрогнуть.

been called "Eden," or "Martin Eden," or just "Martin," all his life. And
Он, которого всю жизнь звали «Иден», или «Мартин Иден», или просто «Мартин», – вдруг

"Mister!" It was certainly going some, was his internal comment. His mind
«мистер». «Это, что-нибудь да значит», – отметил он про себя. Его ум

seemed to turn, on the instant, into a vast camera obscura, and he saw
внезапно превратился в огромную камеру-обскуру, и перед ним бесконечной

arrayed around his consciousness endless pictures from his life, of
вереницей пронеслись разные картины его жизни: кочегарки, трюмы, доки,

stoke-holes and forecastles, camps and beaches, jails and boozing-kens,
пристани, тюрьмы и трактиры, больницы и мрачные трущобы; все это

fever-hospitals and slum streets, wherein the thread of association was the
нанизалось на один стержень – форму обращения, к которой он там

fashion in which he had been addressed in those various situations.
привык.

And then he turned and saw the girl. The phantasmagoria of his

Он обернулся и увидел девушку. Беспорядочные видения, возникшие в

brain vanished at sight of her. She was a pale, ethereal creature, with wide,
его памяти, сразу исчезли. Это было бледное, воздушное создание с большими

spiritual blue eyes and a wealth of golden hair. He did not know how
голубыми одухотворенными глазами, с массой золотых волос. Он не знал, как она одета, –

she was dressed, except that the dress was as wonderful as she. He likened
знал лишь, что наряд на ней такой же чудесный, как и она сама. Он мысленно

her to a pale gold flower upon a slender stem. No, she was a spirit, a
сравнивал ее с бледнозолотистым цветком на тонком стебле. Нет, скорее она дух,

divinity, a goddess; such sublimated beauty was not of the earth. Or perhaps
божество, богиня, – такая возвышенная красота не может быть земной. Или в самом

the books were right, and there were many such as she in the upper walks of
деле правду говорят книги, и в других, высших кругах общества много таких, как она?

life. She might well be sung by that chap, Swinburne. Perhaps he had had
Вот ее бы воспеть этому Суинберну. Может быть, он и думал

somebody like her in mind when he painted that girl, Iseult, in the book
о ком-нибудь, похожем на нее, когда описывал Изольду в книге, которая лежит там,

there on the table.
на столе.